

Восемь точек на глобусе Шекспира

«Глобус» и в самом деле расширился до масштабов земного шара. Пьесы свое триумфальное шествие по планете. Об этом рассказывают наши авторы на 1-й и 4-й стр.

Когда-то пьесы, сочиненные Вильямом Шекспиром из Стратфорда, начинали свою жизнь в крошечном лондонском театре «Глобус». Спустя столетия сцена великого британца продолжают

№ 50 [4792]
Год издания 35-й

Суббота, 25 апреля 1964 г.

Цена 4 коп.

Москва

НЕ ПОДВЛАСТЕН ВРЕМЕНИ

Однажды я получил из Италии подарок. Он особенно дорог мне. Это небольшой портрет великого итальянца Джузеппе Гарибальди с его авторграфом. Гарибальди... Сквозь какие огненные бури прошел этот могучий дух, какие высокие страсти неистовствовали в нем, когда он сражался за свободу Италии, за торжество всего прекрасного, что собрано в великом имени Человека. Вспоминается мне и другой пламенный характер — великий итальянский актер, гарибальдеец Томмазо Сальвини, рассказывавший людям трагическую историю шекспировского Отелло, историю поверженного, но не побежденного воеводы.

И еще один неутомимый характер — Поль Робсон. Негритянскому артисту угрожали, когда он играл Отелло. Зрителей, идущих на шекспировские спектакли, терроризировали. Робсону недвусмысленно писали о том, что очередной спектакль может стать последним в его жизни. Слушая рассказ Поля Робсона, я думал: велико мужество этого человека, неистребима его страсть к борю.

К РАБОТЕ над ролью Отелло я шел, знакомясь с материалами творчества Мочалова, Сальвини, Остужева, с режиссерской разработкой Станиславского «Отелло». Меня волновали бесчисленные суждения о венетском мавре — ипомеически острого, и философски уравновешенного. Не могу не сказать, что путь этот проделал вместе с добрым и умным советчиком, с постановщиком фильма С. Юткевичем.

После выхода фильма критика встретила нового Отелло сдержанно. Раздавались упреки в заземленности образа, в отсутствии у мавра вулканических страстей. Не стану спорить с критиками по поводу моих актерских просчетов. В чем-то я «не дотянул», где-то, наоборот, «переиграл». И все-таки мне хочется сказать о том, каким мне видится этот образ: Отелло ведет и еще будет вести бой за свое место в жизни и в искусстве.

Среди некоторых восторженных почитателей Отелло распространено мнение — неслыханно раскрасить, титанически постараться, выработать «неистовую страсть», свойственный его природе африканца. Соглашаться с таким суждением не могу.

Отелло велик тем, что принадлежит к общему человеческому братству. Обнажить это человеческое начало, освободив при этом

Баку

НЕСТАРЕЮЩИЙ МУДРЕЦ

Я В ПЕРВЫЕ познакомился с ним в 20-х годах, когда еще юной приехал из небольшого районного городка Геокчая в Баку.

Познакомили меня с ним, с бесмертным англичанином, два выдающиеся азербайджанских актера — Аббас-Мирза и Ульви Раджаб, чьи судьбы, трагически оборвавшиеся в 1937 году, поистине достойны шекспировского пера.

На азербайджанской сцене были поставлены многие пьесы Шекспира в переводах известных азербайджанских писателей Джафара Джабара и Мирзы Ибрагимова. Эти пьесы шли с неизменным успехом. Представления «Гамлета» и «Отелло» были настоящим праздником искусства. Я это видел. А ветераны нашей сцены рассказывали мне, с каким триумфом проходили представления «Отелло» в исполнении знаменитого азербайджанского трагика Гусейна Арабаджанского еще до революции.

Силу эмоционального воздействия шекспировского искусства на азербайджанских зрителей подтверждают новые постановки на сцене Академического театра драмы имени Азизбекова «Гамлета» и «Зимней сказки». В главных ролях в этих спектаклях выступили народный артист Советского Союза А. Алекперов и народная артистка республики О. Курбанова.

Под воздействием солнца краски театр от своего свежести, первоначальной блеск. Время — великий испытатель. Оно бесстрашно перед произведениями истинно великого художника. Вот почему и сегодня живет среди нас нестарящийся четырехсотлетний мудрец, живет и каждому из нас говорит, услышь глазами голос мой.

Расул РЗА

В УЗБЕКСКОМ академическом театре драмы имени Хамзы есть книга почетных гостей. Я недавно просматривал ее и обнаружил там несколько записей на английском языке. Они принадлежат нашим гостям с родины Вильяма Шекспира. Английские гости побывали в Театре имени Хамзы на спектаклях, поставленных по пьесам великого драматурга. К сожалению, соотечественники Шекспира не могли судить о качестве перевода его произведений на узбекский язык, а качество это по-настоящему хорошее, что является предметом профессиональной гордости литераторов республики. Но отзвучив англичан о работе режиссуры, артистов и всего театрального коллектива не просто вежливо похваливать, — восторженные приведу одну из подобных записей — она относится к февралю 1945 года. Ее занесла в книгу почетных гостей английская парламентская делегация, присутствовавшая на спектакле «Отелло»: «Мы давно нигде, даже в Лондоне, не видели такой отличной постановки этой пьесы. Мы хотим особенно отметить исполнителей ролей Отелло, Яго и Дездемону и выразить свое восхищение ими...»



Гравюра С. Харламова

Минск

И НАШЕ СОКРОВИЩЕ...

Как-то В. Я. Брюсов заметил, что «позов при переводе стихов увлекает чужое художественное слово: воссоздать на своем языке то, что лежит на плечо, увлекает желание — «чужое слово почувствовать своим», — желание завладеть этим чужим сокровищем».

Я никогда не считал произведение Шекспира «чужим для себя сокровищем». Они входят в наше сознание, становятся в такой же степени близкими, понятными, родными, как и английскими. Они — в прямом смысле слова — становятся общечеловеческими. Но желание

максимально приблизить это сокровище к моему родному народу побудило меня к труду переводчика.

Завершение любой работы всегда радость, но я не считал исключением этого труда — перевода сонетов, так образно названных Вордсвортом «клоном», которым Шекспир отдал свое сердце.

Я счастлив, что в труд моих товарищей К. Крапивы, Я. Семезова, Ю. Гагарина и других давних белорусскому читателю переводов Шекспира, тоже внес свою часть.

Владимир ДУБОВКА

ЦЕЛАЯ ВСЕЛЕННАЯ

И ДАНЕ не мир, а муть. Ибо каждое произведение Шекспира — целая солнечная система со своим центром, вокруг которого по собственным орбитам вращаются большие и малые планеты — события, люди. В них, в этих людях, — бессмертия Шекспира. К сожалению, человеческая природа перестраивается не так просто и не так быстро, как нам бы того хотелось.

Эгоизм, себялюбие, животное начало, стяжательство, двоедушие — сколько пороков еще обременяет человечество! Шекспир показал их с беспощадной правдой. Показал и доказал, что мир таких людей — неправедный и злобный — обречен. Доказал не дидактическими рассуждениями, а силой художественных реалистических образов, потому что есть иной мир — мир Гамлета и Отелло — с их верой в торжество разума...

И в этом — непреодолимое знание Шекспира. Вот почему он — наш союзник, помощник людей театра, которые с любовью обращаются к Шекспиру и сегодня.

У каждого из нас, наверно, свой Шекспир. По-своему ищет он фантазию разных режиссеров, актеров, художников. По-разному воплощается на сцене. И в этой разности — сила единства нашего: каждый, идя своим путем, вносит свое в бессмертное дело Шекспира. Даже не поставив, не сыграв своего, кровного Шекспира, а только мечтая о нем, каждый его обогащает и озаряет его мыслью, его вдохновением.

Так было и у меня с «Гамлетом». В этой пьесе пьеса» состоялась много лет назад моя первая встреча с Шекспиром.

...Вахтангов задумывал спектакль в Первой студии МХА. Коллебался в выборе исполнителя Гамлета: Чехов или Хмара?.. Как всегда, одновременно работал и в Мансуровской студии. Ставил «Турандот». Я вижу его, как сегодня, на ночной репетиции сказки Гоцци. Закутанный в доху, мучаясь болью и скрывая ее от нас, он вдруг говорит: «Юра, сыграй эту сцену принца Кафафа еще раз. Только играй совсем всерьез. Совсем!»

Восторженное настроение, всегда царившее на репетициях Вахтангова, молодость с ее жадностью к новым, неожиданным сценическим задачам, азарт их решения — не знаю, что именно, но что-то мне помогло: сцена была сыграна всерьез.

— Решено, — сказал Евгений Багратионович. — Я ставлю «Гамлета» здесь, с вами...

Так началась моя «гамлетина». И пусть (уввы) я не сыграл эту «роль ролей», пусть еще не поставил эту трагедию. Но я был наполнен внутренним светом души Гамлета.

...Вот живет юноша. Он — принц датский, но в данном случае это не так уж существенно. Важно то, что он верит в добро, дружит, любит своих университетских товарищей и боготворит Офелию... И вдруг чуть ли не в один день узнает, что все, чем он жил, — химера. Отец отравлен родным братом; мать, по старой датской поговорке, «откусила голову своему стыду»; возлюбил на ложе убийцы; друзья — Гильденстерн и Розенкранц — предатели; возлюбленная соглашается стать приманкой в силки, куда подлые хотят заманить Гамлета... Есть от чего сойти с ума!

Но Гамлет силен своей внутренней правотой, и его гордый ум отнюдь не сражен. Гамлет силен даже и погибающий, потому что ему открылась истина и у него хватило мужества сказать правду во всеулышание: сказать подлцу, что он подлец, выступить яростным противником всех темных сил земли и неба... Естественно, что я говорю о непоставленном «Гамлете». Он — спутник всей моей жизни. Я не могу не думать о нем — сегодняшнем и сегодня.

мужи и немилосливые страдания, ужасы войны и вышедший из ее горнила человеческий, как никто другой, Отелло по-разному воспринимается залом на протяжении всех лет, что идет эта трагедия.

Те, кто видел в Ростове-на-Дону «Угрошение строптивой» с В. Маренкой и Н. Мордвиновым, спрашивают меня теперь: почему бы не возобновить такое праздничное представление? Но ведь, чтоб оно было праздничным сегодня, следует сочинить его сценическую редакцию заново! Иначе получится беспомощное, не свободное от пошлости «возобновление».

Могу лишь сказать, что «Виндзорские насмешницы» были поставлены много лет спустя в духе «Угрошения строптивой».

Мой ученик по ГИТИСу Леопольд Шатунговский ставит сейчас «Тщетные усилия любви». Спектакль этот пойдет, по-видимому, в небольшом репетиционном зале без сцены, актеры — сплошь молодежь — будут играть на ковре, окруженные зрителями. Вспомним, что именно так, стремясь к предельному единению со своим зрителем, начала играть молодежь МХТ в студии на Поварской — первой студии, учрежденной Станиславским...

Стирание граней меж подростками и залом, соперничество актеров и зрителей — драгоценнейшее, редко достижимое и тем более желанное для каждого режиссера свойство театра. Но как развивается, как меняется театр вместе с неутомимым и стремительным бегом времени, — так меняется и характер общения сцены и зала. В «Глобусе» общение было одним, в МХАТе Станиславского — другим, в современном театре — третьим...

Велика сила творчества тех, кто по мощи таланта близок Шекспиру: они вводят нас в мир его образов, осящая их своим светом, и мир Шекспира становится близким, понятным и дорогим каждому из нас...

Юрий ЗАВАДСКИЙ, народный артист СССР

нашего ремесла. Переводчиками творений Шекспира в Казахстане, Туркмении, Азербайджане, Киргизии были лучшие литераторы. На узбекский язык произведения Шекспира переводили такие выдающиеся писатели, как Гафур Гулям, Уйгун и Махсуд Шейхзаде.

Шекспировский репертуар — пробный камень зрелости для творческих сил наших национальных театров. Это он помог со всей полнотой проявиться и созреть талантам таких крупнейших актеров Советского Востока, как А. Хидоят, М. Касымов, Ш. Бурханов, А. Алекперов...

Изоат СУЛТАНОВ

В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

В честь Вильяма Шекспира состоялось позавчера торжественное заседание в Большом театре Союза ССР. Отметить 400-летие со дня рождения великого драматурга и гуманиста собрались деятели культуры, представители общественности, гости Москвы.

Горячими аплодисментами приветствовал зал товарищей А. Н. Косыгина, А. И. Микояна, Н. С. Хрущева. После вступительного слова председателя Всесоюзного юбилейного комитета члена-корреспондента АН СССР И. Анисимова выступили народный артист СССР

Ю. Завадский, поэт, лауреат Ленинской премии С. Маршак, драматург А. Левада, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Н. Черкасов, композитор Т. Хренников, писатель, лауреат Ленинской премии Ч. Айтматов, писатель А. Сурков.

Юбилейный вечер завершился большим концертом, в котором участвовали Н. Мордвинов, В. Ткачев, М. Целиков, П. Стручков, В. Токарев и другие исполнители.

НАБРАСЫВАЯ на бумаге напутственные слова к выходу на суд общества трагедии «Борис Годунов», Александр Сергеевич Пушкин писал:

«ДОКОЛЕ НЕ ИСТРЕБИТСЯ РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ»

Алексей СУРКОВ

«Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облек в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким... влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характера, в небрежном и простом составлении типов. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествия, в летописи старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богаты!»

Это признание одного из величайших поэтов мира о работе над любимейшим его произведением показывает, как высоко ценил Пушкин гений Шекспира, какое место он отводил ему в истории мировой литературы.

Трудно найти среди личной переписки Пушкина, его статей, его «набросков для себя», посвященных раздумьям над судьбой мировой литературы, такое письмо или высказывание, в котором не выступил бы опыт гениального английского поэта как непревзойденный образец для литераторов всех последующих поколений.

Двадцатилетний Пушкин, Пушкин пишет из Одессы Петру Вяземскому:

«читаю Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира...»

Уже великим поэтом, признанным своими современниками, тридцатилетний Пушкин, вновь и вновь возвращаясь к размышлениям о природе гениальных творений Шекспира, записывает для себя:

«Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры».

Читая эти и другие пушкинские высказывания о природе и характере шекспировских творений, особенно остро чувствуешь, как близки они были самому Пушкину — великому поэту и драматургу, новатору, основоположнику, так же как и Шекспиру для своей эпохи, начала новой русской реалистической, гуманистической литературы, полной любви и доверия к человеку.

И, вспоминая, что писали о Шекспире великие мыслители еще нарождающегося в середине прошлого века нового мира — Маркс и Энгельс, поражаешься тому, как их оценки природы творчества Шекспира буквально совпали с пушкинскими!

Почти четыре столетия, которые отделяют нас от момента появления на подмостках лондонского театра первой пьесы Шекспира, свидетельствуют, как далеко вперед во времени светил тот сын стратфордского пернаточника, какой несравнимой силой нестаряющейся молодости нахлестал на образы, созданные его гениальной фантазией.

Вышедшие с подмостков «Глобуса» и других тогдашних лондонских театров пьесы Шекспира, как весеннее половодье, уже больше трех столетий захлестывают сцены всех театров всех материков. Пламенные слова его музыки звучат с этих подмостков едва ли не на всех языках народов мира. И на всех языках читают люди земли его стиха и его пьесы. Вызванные к жизни животрепещущей злобой дня переломной эпохи, в которой жил поэт, образы, им созданные благодаря силе его великого гуманизма, глубокому знанию человеческой природы, человеческих страстей, человеческих характеров, пробились сквозь оболочку временной ограниченности и духовно обогащают десятилетия и десятилетия поколений людей всех наций мира.

Великое испытание временем прошло творчество Шекспира в нашей стране, совершившей Октябрьскую революцию, когда коренным образом изменился весь уклад жизни человека, когда, как писал в пролетарском гимне, кто был ничем, стал всем...

На первый взгляд и принц Гамлет, и Кириолан, и Шейлок, и Отелло должны были бы оставаться

на пороге этого нового общества как гости из иного, уже архаического мира.

Но ничего подобного не случилось. Наоборот, может быть, ни в одной стране мира, в том числе и на родине поэта, так широко и так задумчиво не беседовал и не беседует великий англичанин со зрителями его спектаклей и читателями его книг. Именно после Октября муза Шекспира обрела голос у тех народов бывшей царской России, которые не имели письменности и не могли мечтать о своем национальном театре.

Многочисленные театры шекспировских книг, непрерывное расширение шекспировского репертуара многонационального советского театра, богатейшее шекспироведение и шекспирология, превращение сегодняшнего юбилейного шекспировского дня в грандиозный культурный праздник всех народов нашей страны — вот чем мы, советские люди, законные наследники всех культурных богатств человечества, отмечаем дату четырехсотлетия со дня рождения величайшего поэта мира.

И, может быть, именно в нашем мире, мире социализма, где господствуют грандиозные страсти создания нового общественного уклада, где в великих битвах и великих трудах выплывает характер человека будущего коммунистического общества, Шекспир впервые нашел в лице создателей этого мира достойных собеседников для своих героев.

Даже среди великих поэтов мира он кажется великаном, через их головы заглянувшим в будущее человечества.

В сумерках своего времени, где будущий грабитель-купеческая с исторической сцены вчерашнего грабителя-феодала, этот стратфордский разношерстный создал такую всеобщую, универсальную энциклопедию человеческих страстей и характеров, равной которой не знает история мировой литературы.

До сих пор с подмостков театров мира волнует человеческое сердце и трагическое беспокорство Гамлета, и торжественная аличность Шейлока, и уязвленная гордость Кириолана, и ошеломляющее одиночество безумного Лира, и горестная история Отелло и Дездемону, жертв изощренного злодейства Яго.

И нынешний зритель с замиранием сердца следит за поступками властной и беспощадно жестокой леди Макбет и за несчастными судьбами Джульетты, Офелии, Корделии и других неповторимо прекрасных женских образов, созданных Шекспиром.

И еще долгие годы люди, создающие пьесы для современного театра, будут с завистью взирать на гигантский в гиперболизме своих пороковых страстей и пристрастий и при всем том полный глубокого реализма образ толстяка, — обжоры и вралья Фальстафа, образ которого ждет воплощения на подмостках советского театра.

Страстным, живым современником нынешнего мира предстает перед человечеством на грани пятого столетия своей жизни в истории народов Вильяма Шекспира, великий чародей и волшебник из маленького английского провинциального городка Стратфорда-на-Эвоне.

И тысячу тысяч раз прав был Пушкин, когда задолго до наших дней, во времена первого знакомства русского читателя и зрителя с творениями Шекспира, писал:

«Омир, Вергилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий».

Святая правда заключена в пророческих словах нашего великого соотечественника.

Начав свой путь на грани средневековья, великий знаток человеческой души Шекспир — наш спутник на грудной, но залитой светом утреннего солнца дороге к коммунизму.

«Великий человек был»

Едва ли не каждый знает, что «я» — когда-то такой принц, который окружающим был доволен до того, что должен был точен «Быть или не быть».

Но у многих знакомство с ним на этом и оборвалось. Тяга же и интерес к этой загадочной личности продолжали оставаться и расти.

А актеры? Еще на школьной скамье, когда постигаются первые шаги в сценическом творчестве, когда в работе над современной незамысловатой басней возникают сомнения профессиональных вопросов, проблем, почти нет юноши, который с завидным упорством и легкостью не прочитал бы вам этот же самый монолог «Быть или не быть», правда, поняв в нем значительно меньше, чем в злободневной басне.

Театроведы, шекспироведы, беря за основу отдельные фразы, сказанные Гамлетом, пишут талантливые книги, и все из желания, возможно ближе подойти к сути этого легендарного человека.

Стремление постичь его «тайну» заставляло идти на эксперименты: роль принца Гамлета пытались воплотить французская актриса Сара Бернар, датская актриса Аста Нильсен. И у нас до войны репетировала какая-то удивительная девушка (жаль, не помню ее фамилии). Подобные поиски имели право на существование. Я помню: актрисы с их повышен-

ной чувствительностью и щедростью женских сердец могли помочь нам дальше продвинуться в человековедении.

Чем же объясняется это удивительное влечение сердец и разумов к страсти и размышлению того, кто был создан около четырехсот лет назад? Я поставил бы себя прямо в нелепое положение, если бы попытался в короткой заметке ответить на этот вопрос сколько-нибудь исчерпывающе.

Многие ставили Гамлета в положение человека исключительного. Это можно понять, но с этим можно и спорить.

А не вернее ли предположить, что Гамлет прост. Да, он был принцем, но эскизно оставался человеком, человеком с повышенным ощущением добра и зла, с острым чувством долга и разубиенной совести. Не потому ли он близок нам, не потому ли мы тянемся к нему, как к человеку, который всей своей жизнью доказал, что никак не жаль расстаться собой, защищая самое дорогое.

Очевидно, что он должен быть жив в сердце каждого исполнителя. У каждого из нас, подобно Золушке, есть свой принц, и каждый ждет, что вот-вот отретсет дверь и придет его принц, и поможет ему ответить на вопросы...

Инокентий СМОКТНОВСКИЙ



Юрий ЗАВАДСКИЙ, народный артист СССР